

ЭТО СЛАДКОЕ СЛОВО «СВОБОДА»

НА ФОНЕ БУРНОГО всплеска творческой активности новых театров-студий (только в Москве за последние три года их появилось более двухсот) с их разноматными и хаотическими исканиями, с их интересом к случайному, но эффективному материалу, с их стремлением эпатировать и жаждой скандального успеха, с их сценической небрежностью, а нередко и залихватским разгильдяйством театр-студию «Человек» под руководством Людмилы Рошковой с момента его рождения выгодно отличало серьезное и уважительное отношение к театральному ремеслу.

Сегодня, когда «Человек» имеет уже весьма широкий репертуар, можно попытаться определить творческое направление коллектива, попытаться выявить его эстетические ориентации и пристрастия. Театр стремится оторваться от быта, оставаясь в пределах сегодняшних проблем, ассоциаций, нерва сегодняшней жизни. Он явно тяготеет к трагическому гротеску, к ситуационным и психологическим парадоксам, позволяющим добиваться максимальной смысловой и эмоциональной заостренности действия. Об этом свидетельствуют и две последние премьеры — «Елизавета Вам на елке у Ивановых» и «Стриптиз». Спектакль «Елизавета Вам...», названный абсурд-мюзиклом, поставлен Романом Козаком по собственной композиции на основе произведений Д. Хармса и А. Введенского — это многослойное зрелище из переплетения игры, несурриализма, песен, детских воспоминаний, мечтаний, возникающих на фоне холодного и неустойчивого быта, смутных тревог и реальных трагедий сталинской эпохи. А поскольку эпоху эту, с ее абсурдной жестокостью, умом не охватить, логике не подчинить, то «свинцовый» дух ее, диссонируя общей атмосфере нежных, хрупких забав и милых розыгрышей, проникает в зритель на уровне эмоционально-интуитивном и пронзает душу тягучей тоской...

Поляк Славомир Мрожек, один из самых популярных из ныне живущих драматургов, возник в афише театра в самом начале его пути: спектакль «Эмигранты», поставленный М. Мокеевым, стал тогда театральным событием, он с успехом идет и сегодня. Так что отношения у театра с драматургией Мрожека особые — близость их мироощущения и художественного мышления очевидна. Мрожек, как и театр «Человек», равно настолько связан с действительностью, чтобы в его героях можно было ощутить реальные типаж; но он равно настолько оторван от нее, чтобы его драмы приняли очертания причуд, интеллектуальных головоломок. У драматурга достаточно смелости, чтобы допустить фантастические и метафизические иноказания, но он слишком «объемлен», чтобы быть банальным символизмом...

Вот и в «Стриптизе» действует некий фантом, в руки которого попадают два господина — они так и называются — Господин I и Господин II. По существу «фантом» и есть две чудовищно гигантские руки — Правая и Левая: именно они заточили Господина I и Господина II в таинственной комнате, где царит симметрия: слева — дверь, справа — дверь, слева — стул, справа — стул, слева — «картины» (чистые, белые холсты), справа — такие же «картины» (сценография В. Платонова и Б. Шаповалова)... Да и сами господа — вопло-

щение симметрии, среднестатистические «люди»: они одинаково одеты, в руках у них одинаковые портфели, оба одинаково немного пьяны, и сила, которая их сюда привела, равно загадочна и властна...

Итак, первой обнаружит себя Левая рука — именно она пресекает попытку Господина II выйти из комнаты и знаком потребует, чтобы он, как и положено арестанту, сдал ремень и галстук. Но и покорность Господина I не смягчит ее — тому придется вслед за галстуком отдать подтяжки... А затем она потребует, чтобы оба сдали пиджаки, за пиджаками сорочки и т. д. Стриптиз, одним словом...

Горькая ирония ситуации состоит в том, что оба господина имеют свои убеждения, свои принципиальные взгляды на такой важный «предмет», как свобода. И если Господин II в соответствии со своим пониманием свободы выбора, демонстрируя свою независимость, предпочитает действовать, непрерывно пытаясь вырваться из комнаты, и подчиняется Руке лишь под давлением силы, то Господину I его убеждения подсказывают изначально пассивное бездействие, непротивление, а потому и насилие Руки ни в коем случае не оскорбляет его достоинства, соответствуя его свободе выбора несвободе... В итоге оба господина совершают лишь то, что требует Рука, вплоть до преклонения перед нею, в итоге оба становятся заложниками и жертвами фантома...

В этой мрачной по своему социальному нигилизму пьесе о глубинном, впитавшемся в человеческую кровь рабстве, в театр-студию «Человек» уловили неожиданную легкость и изысканный юмор драматурга, почувствовали блеск свободно льющегося диалога, ощутили не только игру авторской мысли, но и игру художественной формы. Режиссер Л. Рошкова избегает в спектакле грубых, многозначительных акцентов и приемов, предпочитая полутона, полунамек — то раздается чуть слышимый стук, то незначительный покачивается на стене картина, то почему-то невольное прикосновение господ к белому холсту оставит на нем сильные отпечатки рук (на символичности этого момента режиссер не настаивает). Спектакль выстроен динамично, волноно, со стремительной, яркой сменой мизансцен, и актерам в нем играть легко. Хотя из двух исполнителей мне понравился больше Валерий Гаркалин в роли Господина II, в его исполнении острее неожиданные смены настроений, больше контрастных красок характера — вздорность и настырность, глупость и предприимчивость, обаяние и мелочность...

Думается, что по своей актерской природе Гаркалин более пластичен, чем Сергей Качанов, сыгравший роль Господина I, — он точнее в создании типа покорного, бесхребетного неврастеника, но несколько сух и менее заразителен в этом дуэте.

Театр удачно справился и, пожалуй, с не менее сложными ролями — ролямилевой и Правой рук (О. Кондаков, С. Савин). Они превосходно выполнены художником-бутафором С. Павловым.

И, последнее. Спектакль «Стриптиз» точно отразил нынешнее состояние общества, где истинное пробуждение чувства свободы и человеческого достоинства вялет в демагогических рассуждениях о свободе, о «праве на выбор», тонет в демонстративном честолобии и попытках мелочного самоутверждения.

Петр КУЗЬМЕНКО.